

*Игорь Васильевич Ищенко*

## **Функциональность и эффективность политических институтов в преодолении нестабильности общества**

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:**

*институционализм, ментальность, нестабильность,  
функциональность, эффективность*

### **Постановка проблемы**

Классические теории связывают причины развития нестабильности и ее перехода в острый конфликт с жесткостью политических институтов и социальной структуры общества<sup>1</sup>. Чем лучше институты приспособлены к меняющимся условиям, тем они более гибки<sup>2</sup>. Такая направленность их рассмотрения предполагает поиск путей улучшения институциональной функциональности и эффективности. В любом типе общества траектория развития зависит, прежде всего, от данных характеристик институтов, так как вектор и темпоральность развития социума в самом общем виде связаны с его ресурсным обеспечением. Выбор темы исследования обусловлен тем, что для транзитивных систем, в том числе образованных на постсоветском пространстве, данная проблематика особенно актуальна. Целью статьи является исследование политических институтов в контексте факторов их функциональности и эффективности, направленных на преодоление нестабильности общества. Для достижения исследовательской цели автор акцентировал внимание на современных постсоветских странах, учитывая

<sup>1</sup> Л.А. Козер, *Функции социального конфликта*, О.А. Назарова (пер. с англ.), Л.Г. Ионин (ред.), Москва 2000, с. 184.

<sup>2</sup> С. Хантингтон, *Политический порядок в меняющихся обществах*, В.Р. Рокитянский (пер. с англ.), Москва 2004, с. 32.

институциональные особенности, сложившиеся под воздействием исторического пути развития и других факторов.

## **Анализ последних исследований и публикаций**

Отдельные аспекты разрабатываемой проблемы, в частности институциональной эффективности изложены в работах О. Баштанник. Коммуникационные аспекты эффективности рассматривают Г. Почепцов, С. Ставченко и др. Действительное состояние эффективности институциональной системы политических отношений и власти показано в исследовании В. Денисенко. Разновидности и условия институционального равновесия исследовала Е. Рыбий. Факторы нестабильности политической системы выделяет в своей работе Е.Н. Максимова. Однако, все указанные авторы рассматривали только отдельные аспекты проблемы, не прибегая к широкому научно-практическому взгляду на состояние проблемы в целом.

## **Изложение основного материала исследования**

Применительно к теории социального управления, мы можем оценить эффективность любого института, используя градацию его способности в поддержании стабильности общества минимальной затратой ресурсов. Реализация указанной задачи обеспечивается выполнением основных функций социального управления, связанных с созданием социально-психологических условий в обществе, направленных на поддержание стабильности; экономическим стимулированием, вызывающим активность деятельности всех субъектов. Немаловажно результативно осуществлять организационно-административное оформление управленческого процесса в обществе. И, наконец, ключевое значение имеет самоуправление территориальных образований, в котором государство оказывает содействие.

Уточним, каково соотношение понятий функциональности политических институтов и их эффективности в преодолении общественной нестабильности. Функциональность, на наш взгляд, выступает как характеристика института относительно степени соответствия реально выполняемых им функций закрепленным нормам. Таким образом, деятельность института влияет на ситуацию в обществе, через формальные нормы и регулятивы, которые задают рамочные условия их функционирования, в том числе и в преодолении нестабильности. Вместе с тем, в каждом социуме сложилось определенное неформализованное нормативное поле, влияющее и на

сознание индивидов, и на их деятельность как представителей власти, так и рядовых граждан, воспринимающих политику институтов. Это, прежде всего, политическая культура, в структуру которой входят совокупность позиций, ценностей и образцов поведения, затрагивающих взаимоотношения власти и граждан<sup>3</sup>. Очевидно, самым важным условием формирования знаний о политике, ценностного отношения к ней, эмоционального восприятия политических феноменов и политической мобилизации является организация деятельности СМИ. То есть, идею эффективности институтов в поддержании стабильности социума следует дополнить акцентом социологического неинституционализма относительно значительной роли качества социальной коммуникации в процессе развития диалогового взаимодействия между институтами государственной власти и структурами гражданского общества. Все последние социальные революции, начиная с перестройки или оранжевой революции до арабской весны, имели базовую информационную составляющую<sup>4</sup>. Именно эти обстоятельства, на наш взгляд, являются ключевыми в определении эффективности институтов. Насколько удачно институты используют формальные и неформальные нормы и регулятивы, настолько высока их эффективность. Причем, данный подход не противоречит принятому в экономике понятию эффективности, основанному на соотношении затрат и результатов в той или иной деятельности.

Так, относительно поддержания стабильности и преодоления нестабильности общества, эффективность политических институтов означает минимизацию затрат на обеспечение их способности в успешном функционировании. В этом контексте следует иметь в виду две взаимодействующие группы политических институтов. Во-первых, это институты ветвей власти. Во-вторых, группы давления, от которых во многом зависит общественная стабильность. Функциональность любой организации (института) проверяется временем. Если политическая партия ранее имела практический опыт разрешения внутривидового кризиса либо межпартийных острых противоречий, то она более адаптирована к таким вызовам, нежели молодые организации. Существенное значение имеет опыт руководителя организации, особенно, когда речь идет о смене поколения руководителей с принципиально иным организационным опытом<sup>5</sup>. И наконец, для более или менее

---

<sup>3</sup> Е. Вятр, *Социология политических отношений*, В.И. Скляр (пер. с польск.), Москва 1979, с. 259; В.В. Кривошеин, *Парадигмальный вимір політики: монографія*, Дніпропетровськ 2002, с. 24.

<sup>4</sup> Г. Почепцов, *Інформаційна політика: сучасні підходи*, «Медіаграмотність», <http://osvita.mediasapiens.ua/print/material/11885>, 11.04.2012.

<sup>5</sup> С. Хантингтон, *Политический порядок в меняющихся обществах*, В.Р. Рокитянский (пер. с англ.), Москва 2004, с. 34.

успешной локализации нестабильности социума важна функциональная адаптивность политических институтов. Например, компартия Советского Союза, вплоть до перестроечного периода, действовала сообразно условиям в реально существовавшей командно-административной системе. Методы ее организаторской работы были четко отработаны и проверены временем. Однако, попав в принципиально иные условия, в которых менялась вся концепция общественного развития, не смогла трансформировать свои функции. Баланс между властью и группами давления, число которых росло невероятными темпами, был нарушен. Нестабильность общества закончилась кризисом власти, а компартия стала ненужным атрибутом бывшего государства, так и не найдя в новых условиях возможности скорректировать свою идеологию. Компартия КНР оказалась более восприимчивой к новациям, благодаря чему не только выжила в новых условиях, но и коренным образом изменила облик Китая, руководя обществом. Она реализовала свой адаптивный потенциал. Этот адаптивный потенциал реализуется в конкретных механизмах воспроизводства политических институтов<sup>6</sup>. Для политической системы СССР таким механизмом выступала идеология, воплощенная в статье советской Конституции о партии как руководящей и направляющей силе общества. Основным элементом данного механизма следует считать весь спектр организаторской и контрольной деятельности КПСС. Индикатором эффективности представленного механизма служит легитимность власти, а результатом функционирования – политическая нестабильность или стабильность в зависимости от наличия властных ресурсов, достаточных для компенсации низкой эффективности.

Способность институтов быстро и результативно реагировать на изменения, происходящие как внутри системы, так и за ее пределами, а не функциональное однообразие является признаком их высокого развития, институционализации. Существует множество институциональных теорий, но среди них выделяется подход С. Хантингтона, согласно которому главное в характеристике политического института не форма правления, а эффективность его деятельности. Если мы рассмотрим всю политическую систему, то подход С. Хантингтона напрямую связан с политической стабильностью, достигаемой, в широком смысле и эффективностью, и легитимностью. Только в этом случае, как считает С. Липсет, политическая система и социум стабильны, а значит, обладают высокой управляемостью. Эффективная бюрократия, хорошо организованные политические партии, высокая степень народного участия в общественных делах, работоспособная система контроля над сило-

<sup>6</sup> К. Телен, *Исторический институционализм в сравнительной политологии*, „Ойкумена”, альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций, вып. 4, Харьков 2006, с. 109.

выми ведомствами, широкое участие государства в экономике, действенные процедуры, обеспечивающие преемственность власти и регулирование политических конфликтов – вот те универсальные критерии эффективности политических институтов, независимо от формы правления<sup>7</sup>. Причем напряженность в общественных отношениях может возникнуть из-за дисфункциональности любого института.

Гармоничность общества, его неконфликтность, на наш взгляд, обеспечивается системным выполнением всеми социальными институтами своих функций, главными из которых является жизнеобеспечение. Именно государство и слаженная работа всех его структур решает эту задачу. В свою очередь, нестабильность возникает как ответная реакция на неудовлетворенность общества или какой-то социальной группы качеством выполнения функций государством. Ведь для большинства постсоветских государств вертикаль власти была трансформирована, но принцип безусловного верховенства центра с его регулятивной функцией для территориальных образований остался.

Вместе с тем, провозглашенный демократический транзит этих стран вызывает настоятельную потребность в коррекции политического процесса на развитие самостоятельности местного самоуправления. Тема повышения роли местных органов власти и самоуправления в современном научном дискурсе актуализируется; ученые отмечают, что их функциональность будет во многом зависеть от возможности перераспределения ресурсов от центра к местным властям<sup>8</sup>. Эта тенденция согласуется с известным законом Е.А. Седова или «законом иерархических компенсаций», согласно которому рост разнообразия на верхнем иерархическом уровне (например сильная исполнительная власть, имеющая свои рычаги управления на местном уровне в виде госадминистраций) обеспечивается ограничением разнообразия на нижних уровнях (когда речь идет о полномочиях и реальных возможностях управления территориями со стороны местных органов самоуправления)<sup>9</sup>. Подобная ригидность институтов на местном уровне проявляется и вполне очевидна. Именно отсутствие действенной обратной связи между территориальными общинами и властью на местах во многом стимулирует ее делегитимацию, являясь предпосылкой нестабильности общества.

---

<sup>7</sup> С. Хантингтон, *Политический порядок в меняющихся обществах*, В.Р. Рокитянский (пер. с англ), Москва 2004, с. 21.

<sup>8</sup> П.А. Бесов, *Местное самоуправление в условиях перераспределения источников и ресурсов публичной власти в Российской Федерации*, автореф. дис... канд. полит. наук: 23.00.02, Москва 2004, с. 9.

<sup>9</sup> С.В. Цирель, „QWERTY-эффекты“, „Path dependence“ и закон Седова или возможно ли выращивание устойчивых институтов в России, [в:] Р.М. Нуреев (ред.), *Постсоветский институционализм*, Донецк 2005, с. 128.

Такое положение, на наш взгляд, сложилось вследствие так называемого QWERTY-эффекта, который в полной мере проявился при формировании новых институтов власти и их функций на местном уровне. Когда в точке бифуркации, связанной с упразднением компартийных комитетов всех уровней, следовало бы выбрать наиболее эффективный вариант управления общественными процессами, из нескольких альтернатив выбрали далеко не лучший для рыночных условий. По своим функциям он близок к тем, что выполняли партийные органы в условиях командно-административной системы. Низкая информационная индикативность, порождаемая преобладанием взаимных потоков информации между макроуровнем и данными органами государственного управления, порождает инверсию в деятельности этих государственных структур. Кроме того, дублирование задач, лежащих в сфере компетенции органов местного самоуправления государственными администрациями приводит к безинициативности местных советов. Они немотивированны к повышению эффективности своей работы, так как лишены самодостаточности в управлении.

Нестабильность общества возрастает при констелляции внешних и внутренних условий, которые накладываются на деятельность политических институтов. В этой связи стоит указать на интегральный фактор, снижающий и эффективность институтов, и их легитимность. Таким замедлителем реформ являются антиинституты. Они стремятся к разрушению новаций и порождают нелегитимность власти. Так, например, разветвление функций центральных органов власти сопровождается ростом числа чиновников, усложнением механизма согласования принимаемых решений. А это, в свою очередь, порождает становление института коррупции, патрон-клиентских отношений, которые при трансформации политических институтов стремятся к сохранению status quo. Например, накануне «оранжевой революции» в Украине произошла конституционная реформа, закрепившая парламентско-президентскую форму правления. На первый взгляд, гражданские протесты должны были способствовать демократизации, росту гражданской активности, формированию институтов гражданского общества. Однако, в силу вышеуказанных причин, функциональность институтов власти не только не улучшилась, но и стала более проблемной. То есть, расширение функций парламента в поляризованных социокультурных условиях привело к блокированию его работы. Причины, видимо, кроются в разобщении демократических сил, кумовстве, коррупции депутатского корпуса, выполняющих роль антиинститутов. После выборов президента Украины в 2010 г. вернули прежнюю президентско-парламентскую форму правления. События последнего времени в Украине привели к новому установлению парламентско-президентской формы правления.

По нашему мнению, функционирование политических институтов в неизменной социокультурной среде порождает цикличность при попытках дестабилизировать социально-политическую обстановку извне.

Для иллюстрации влияния исторического наследия на строительство политических институтов стоит упомянуть модель С. Роккана, которая сосредотачивается на исследовании формирования партийных систем. Они формируются, по мысли ученого, исходя из заключения частичных альянсов в обществе. Их становление стало возможным в результате конфликтов, понижающих общество. Продолжая его логику рассуждений, Баштаник О.В. предлагает считать и всю политическую систему как итог конфликтного взаимодействия различных общественных структур<sup>10</sup>. Основываясь на данных позициях, приходим к следующему.

Если политическая система формируется в условиях конфликта, то качество институтов зависит от временного лага между началом бифуркации до окончательного принятия политического решения о создании института. Поэтому, если противоречия, предшествующие созданию (или трансформации) политического института были незначительны, будет достаточно времени на обдумывание его структуры, нормативной и ценностной основ. Острый конфликт, предвещающий формирование института, может оказать негативное влияние на его качество, так как дефицит времени, необходимость компромисса между оппонентами может до неузнаваемости изменить первоначальную идею. В таких условиях решение, как правило, принимается далеко не лучшее.

Подобные конstellации возникают при сочетании нестабильности, необходимости форсированного принятия решений на макроуровне и известны как «path dependence» – зависимость от пути развития. Поэтому, чрезвычайно важно при выборе относительно новой траектории развития общества после революций, глобальных преобразований политической системы в точках бифуркации учесть: возможность создания более эффективных политических институтов, которые позже преобразовать будет крайне сложно в силу больших ресурсных затрат; конгруэнтность вводимых институтов не только выбранному демократическому пути развития, но и неформализованным нормативам общества. Например, президентская форма правления наиболее эффективна в США. Как ни стремились ее скопировать латиноамериканские страны, такого демократического режима им сформировать не удалось. Так, в Венесуэле ни до правления Уго Чавеса, когда политика основывалась на либерализме, ни во время его правления, основанного на социалистических

---

<sup>10</sup> О.В. Баштаник, *Історичний інституціоналізм у політичній науці: конкретизація аналітичного поля застосування*, «Грані» 2012, № 8 (88), серп., с. 114.

идеях, не удалось создать диверсифицированной конкурентоспособной экономики, предполагающей развитие высоких технологий, а не только ориентированной на экспорт нефти. Более того, именно авторитарная модель президентской формы правления Уго Чавеса, ориентированная на социалистические идеи при той же структуре экономики была реализована успешнее либеральной, предпринятой его предшественниками. Либеральная экономика и политика властей спровоцировали рост бедности, безработицы и массовых протестов<sup>11</sup>. Следовательно, авторитаризм, установившийся в президентской форме правления, оказался более конгруэнтен социалистической модели развития в условиях сырьевой ориентированности экономики.

При этом, если создаваемые политические институты смогут объединить социум на базе фундаментальных ценностей, они выполнят стабилизирующую роль. Однако, если указанные ценности сформированы таким образом, что трансформации политических институтов не может произойти, то все политические решения, направленные на повышение их эффективности, будут обречены на неудачу<sup>12</sup>. Нестабильность социума в такой политической системе возникнет до прохождения бифуркационной точки, в которой внешнее воздействие на ценностную систему ведет к реформатированию общественных отношений. Дальнейшее установление институтов, хотя и выглядит новационным, по своей сути может быть связано с прошлым их качеством, когда-то выглядевшим дисфункциональным, к которым для повышения функциональности пытаются добавить некоторые поправки. По своей сути они не могут коренным образом изменить концепцию функциональности, что закладывает основу для последующих институциональных кризисов<sup>13</sup>.

Так, установившиеся политические институты в ходе демократического транзита на постсоветском пространстве, имеют двуликость. Они, с одной стороны демократичны, ибо имеют законодательное закрепление соответствующих норм. Однако их истинное обличье выражается в политической практике, непосредственно связанной с прошлым. Наше историческое наследие проявляется и в кадровом реализуемом потенциале, и в психологическом восприятии социумом действительности с позиций эгалитаризма и, наконец, в самоизоляции политических государственных институтов от истинных общественных запросов. Новые политические институты проявляют индифферентность в формировании этих запросов на новой институциональной

<sup>11</sup> А. Черняев, *Политическое наследие Чавеса*, „Око планеты”, <http://oko-planet.su/politik/politikday/170569-politicheskoe-nasledie-chavesa.html>, 7.03.2013.

<sup>12</sup> О.В. Башганик, *Историчний інституціоналізм у політичній науці: конкретизація аналітичного поля застосування*, «Грані» 2012, № 8 (88), серп., с. 115.

<sup>13</sup> Там же.



основе. Поэтому малейший сбой в функционировании институтов вызывает нестабильность в обществе, проявляющуюся как латентно, так и открыто.

Институциональные кризисы в постсоветских странах, как правило, возникают на почве различного влияния на принимаемые решения в рамках элит и контрэлит, использующих институциональную оболочку ортогонально нормативному смыслу их деятельности. Итак, очередная элита, обрастая патрон-клиентскими связями на основе прежде всего патримониальности, теряет динамику реагирования на происходящие события, опускаясь в рейтинге легитимности вниз. Контрэлита по принципу рычага, наоборот поднимается, выравниваясь с элитой. Используя манипуляции массовым сознанием и смену его привязки на отрицательные символы для публичного обвинения власти, контрэлита через конфликт достигает желаемого результата, занимая властный олимп. Высказанные соображения вписываются скорее в теорию исторического институционализма, которая в фокусе своего рассмотрения держит создание институтов, их функционирование под воздействием пройденного пути. Исторический институционализм рассматривает тему власти и ее интересов.

Власть, действующая в рамках институтов, пытается реализовать собственные интересы, связанные с удержанием своего статуса. Для решения этой задачи политическая элита формирует электоральную мотивацию. Именно здесь можно отметить пересечение исторического институционализма с теорией рационального выбора и социологическим институционализмом. Поскольку рациональность предполагает осознанный выбор индивидами своего поведения, в том числе и электоральный выбор, то можно предположить, что в условиях переходных систем этот выбор делается преимущественно на основе исторического опыта. Ведь рыночные условия не настолько полно сформировались, чтобы изменить психологию человека, находящегося в таком обществе. Однако сама рациональность имеет ценностный аспект. В данном случае власть выступает как ценность по отношению к электорату. Легитимная власть требует значительно меньше ресурсов на поддержание стабильности в обществе. Однако, если этот компонент власти пошатнулся в силу различных причин, действующей власти необходимо за счет роста трансакционных издержек обеспечить стабильность общества.

Отсюда следует, что эффективность политических институтов в предупреждении нестабильности общества напрямую связана с легитимностью власти. Более того, современные исследования показывают, что легитимность института избирательна, в зависимости от сферы функционирования и динамики ее результатов<sup>14</sup>. Такое исследование проводилось в Японии,

---

<sup>14</sup> M. Kim, *Government Effectiveness and Institutional Trust in Japan, South Korea, and China*, «Asian Politics & Policy» 2011, July, vol. 3, p. 432.

Южной Корее и Китае – странах, имеющих значительные успехи в экономике. Результаты свидетельствуют, что высокие темпы развития экономики респонденты связывают с легитимностью центрального правительства. Успех борьбы с коррупцией влияет на доверие к парламенту, а защита прав человека и борьба с преступностью вызывает легитимность правовой системы государства. Поэтому закономерно, что снижение легитимности одного из институтов повлечет за собой ресурсные издержки всей политической системы и снизит ее эффективность.

В контексте неоинституционального подхода выделяется еще несколько условий, определяющих эффективность политических институтов в нестабильных условиях. Одним из них следует считать принцип максимизации полезности, который реализуется с некоторыми ограничениями. Нужно учитывать реалии принятия политических решений, которые зачастую принимаются на основе неполной информации, что влечет за собой дополнительные расходы. Большое значение для устранения негативной энтропии в обществе имеет мотивация субъектов взаимоотношений<sup>15</sup>. Ее анализ позволит определить, насколько заинтересованы власть и протестные группы урегулировать ситуацию. На институциональную эффективность значительное влияние оказывает оппортунистическое поведение субъектов принятия ключевых решений<sup>16</sup>.

Заслуживает внимания и такой фактор нестабильности политических институтов постсоветских стран, как различная скорость демократического транзита в них. Стартовав с одного политического уровня, одни страны продолжают наращивать усилия в своих демократических преобразованиях, другие фактически остановились. Различная степень стабильности режимов постсоветских стран стала предметом научного дискурса<sup>17</sup>. Можно со всей очевидностью предположить, что между странами демократического транзита, находящимися приблизительно на одной стадии процесса существует большая вероятность заключения политических и экономических союзов. И наоборот, между странами, имеющими различный уровень и темпы демократизации вполне возможны острые противоречия и конфликты<sup>18</sup>. Отсюда, эффективность институтов снижается за счет растущих транзакционных издержек.

<sup>15</sup> М. Чабанна, *Неоінституціональний підхід до аналізу процесу прийняття політичних рішень*, «Політичний менеджмент» 2010, № 2, с. 33.

<sup>16</sup> Там же, с. 34.

<sup>17</sup> А.В. Гилев, *Динамика трансформаций на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе: устойчивость и предпосылки многообразия политических режимов*, автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02, Пермь 2010, с. 5.

<sup>18</sup> M. Doyle, *M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs*, «Philosophy and Public Affairs», Summer 1983, vol. 43, № 3, p. 213.

В этой связи уместно заметить, что наряду с различными теориями нового институционализма (нормативного, исторического, рационального выбора), которые объясняют такой жизненный цикл политических институтов как установление равновесия<sup>19</sup>, есть настоятельная потребность в разработке новой интегральной теории. Ее роль видится не только в устранении противоречий между данными теориями, но и в описании с универсальных позиций процесса институциональной стабилизации. Важно сформулировать уточненные критерии, индикаторы функциональности и эффективности политических институтов в преодолении нестабильности общества, поддержании его стабильности. Предлагаем обратить внимание на ментальные особенности институционализма.

Наш подход состоит в следующем. Ментальность общества как способ мировосприятия, при котором мысли и чувства неразделимы, структурно включает в себя настроение, воображение и коллективные представления. Характерные свойства ментальности – неосознанность и автоматизм. В ментальность включены такие компоненты, как чувствительность, мифы, верования, системы ценностей, культурные стереотипы, обычаи и этикет, фантазии, надежды и фобии, полубессознательные проявления<sup>20</sup>. Как видим, ментальность характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания, а также глубинные, критериальные основания личностных и общественных отношений. В отличие от общественного сознания, ментальность восходит к бессознательным глубинам психики, поэтому включает в себя интеллектуальные, волевые и духовные качества социума, следовательно, является более широким духовным явлением<sup>21</sup>.

Причем, каждый этап развития общества характерен синкретизмом этих элементов, однако в разном количественном и качественном соотношении<sup>22</sup>. Другой характеристикой ментальности следует считать период ее длительности. Ученые различают ментальность длительного периода, изменяющуюся крайне медленно, ментальность среднего периода и ситуативную ментальность – динамичную, изменчивую<sup>23</sup>. Можно согласиться с мнением, что каждый политический институт имеет свой ментальный образ. Однако одна и та же форма политического института может иметь различные менталь-

---

<sup>19</sup> О. Рибій, *Різновиди та умови встановлення рівноваги політичних інститутів*, «Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї», Київ 2010, вип. 21, с. 119–127.

<sup>20</sup> Е.Н. Башкеева, *Особенности генезиса категории «ментальность» (историко-философский анализ)*, дисс. ... канд. филос. наук. : 09.00.05 : защищена 07.10.11 : утв. 19.01.12, Днепропетровск 2011, с. 170.

<sup>21</sup> Там же, с. 179.

<sup>22</sup> Там же, с. 171.

<sup>23</sup> Там же, с. 150.

ные образы<sup>24</sup>. Поэтому в качестве показателя эффективности политического института может быть принята степень соответствия его ментального образа ментальному конструкту общества в целом. Идеальная эффективность института предполагает их полное соответствие. Отсюда, и уровень легитимации политических институтов в этом случае будет максимально высоким. Радикальные отклонения политических институтов от сложившихся ментальных образов, как правило, вызывают дестабилизацию социума.

Очевидно, стабильность общества тем выше, чем гармоничнее его ментальность нормативной, регулятивной и коммуникативной функциям политических институтов. Необходимо отметить, что в середине 1990-х годов разрабатывались отдельные вопросы изучения категории ментальность в институциональном формате, связанные с использованием теософских знаний (Powell 1991 и др.). Однако на постсоветском пространстве научный дискурс данной проблематики начат сравнительно недавно со статьи П.В. Панова<sup>25</sup>.

В то же время, опираясь на современные научные разработки категории «ментальность», следует признать, что это социально-гуманитарное направление имеет достаточно высокий эвристический потенциал относительно как теоретических, так и прикладных исследований нового институционализма в контексте дихотомии стабильность-нестабильность.

## **Выводы и перспективы дальнейших исследований**

Подводя итог, отметим, что современные воззрения на факторы функциональности и эффективности политических институтов в контексте стабилизации социума обусловлены принадлежностью их авторов к соответствующим направлениям нового институционализма. Классификация данных факторов, на наш взгляд, выглядит по таким основаниям: 1. Наличие действенного механизма функционального воспроизводства института; 2. Качественные показатели взаимомотивирующих факторов между институтами и обществом; 3. Трансакционные издержки обеспечения стабильности; 4. Преобладающие факторы на этапе формирования (трансформации) института. 5. Степень соответствия ментальных особенностей института и социума.

Для понимания меры проявления данных характеристик институтов в условиях нестабильности социума важно системно проанализировать влияние как исторического наследия, предшествовавшего формированию инсти-

---

<sup>24</sup> П.В. Панов, *Политическое сообщество: конструирование и институционализация*, «Полис» 2007, № 1, с. 100.

<sup>25</sup> Там же, с. 94–103.

тутов, так и современных условий, влияющих на констелляцию их функций по предотвращению нестабильности. Важным обстоятельством, без учета которого вряд ли возможен объективный анализ эффективности политических институтов в контексте нивелирования негативной энтропии социума, является выработка аналитических процедур по выявлению соответствия ментальных особенностей, функционирующих и проектируемых институтов ментальному конструкту общества. Это направление в перспективе развития данной темы может стать ведущим на основе междисциплинарного синтеза.

## **РЕЗЮМЕ**

На основе теорий нового институционализма исследуются функциональность и эффективность политических институтов, связанных с проблемой урегулирования нестабильного состояния общества. Работа имеет теоретико-праксеологическую направленность. Акцентируя внимание на исследовании ключевых институтов, автор выделяет основные точки доступа к их функциональности и эффективности. Сформулированы основания для классификации факторов функциональности и эффективности институтов в контексте стабилизации социума. Рассмотрена эффективность политических институтов с позиции их ментальных особенностей.

*Igor Vasilevich Ishchenko*

## **FUNCTIONALITY AND EFFICIENCY OF POLITICAL INSTITUTIONS IN OVERCOMING INSTABILITY OF SOCIETY**

Based on the theories of the new institutionalism were investigated functionality and efficiency of political institutions associated with the settlement of the problem of the unstable state of society. Work has theoretical and praxeological orientation. The author focuses on the study of key institutions. He identifies the main access point to their functionality and efficiency. Were formulated grounds for classification of factors of functionality and efficiency of institutions in the context of the stabilization of society. The author has examined the effectiveness of political institutions in terms of their mental traits.

**KEY WORDS:** *institutionalism, mentality, instability, functionality, efficiency*

## Библиография

- Е.Н. Башкеева, *Особенности генезиса категории «ментальность» (историко-философский анализ)*, дисс. ... канд. филос. наук. : 09.00.05 : защищена 07.10.11 : утв. 19.01.12, Днепропетровск 2011.
- О.В. Баштаник, *Историчний інституціоналізм у політичній науці: конкретизація аналітичного поля застосування*, «Грані» 2012, № 8 (88), серп.
- П.А. Бесов, *Местное самоуправление в условиях перераспределения источников и ресурсов публичной власти в Российской Федерации*, автореф. дис.... канд. полит. наук:23.00.02, Бесов Павел Александрович, Москва 2004.
- Е. Вятр, *Социология политических отношений*, В.И. Скляр (пер. с польск.), Москва 1979.
- А.В. Гилев, *Динамика трансформаций на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе: устойчивость и предпосылки многообразия политических режимов*, автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02, Пермь 2010.
- Л.А. Козер, *Функции социального конфликта*, О.А. Назарова (пер. с англ), Л.Г. Ионин (ред.), Москва 2000.
- В.В. Кривошеїн, *Парадигмальний вимір політики: монографія*, Дніпропетровськ 2002.
- Г. Почепцов, *Інформаційна політика: сучасні підходи*, «Медіаграмотність», <http://osvita.mediasapiens.ua/print/material/11885>, 11.04.2012.
- О. Рибій, *Різновиди та умови встановлення рівноваги політичних інститутів*, «Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї», Київ 2010, вип. 21.
- К. Телен, *Исторический институционализм в сравнительной политологии*, „Ойкумена”, альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций, вып. 4, Харьков 2006.
- С. Хантингтон, *Политический порядок в меняющихся обществах*, В.Р. Рокитянский (пер. с англ), Москва 2004.
- С.В. Цирель, „*QWERTY-эффекты*”, „*Path dependence*” и закон Седова или возможно ли выращивание устойчивых институтов в России, [В:] Р.М. Нуреев (ред.), *Постсоветский институционализм*, Донецк 2005.
- М. Чабанна, *Неоінституціональний підхід до аналізу процесу прийняття політичних рішень*, «Політичний менеджмент» 2010, № 2.
- А. Черняев, *Политическое наследие Чавеса*, „Око планеты”, <http://oko-planet.su/politik/politikday/170569-politicheskoe-nasledie-chavesa.html>, 7.03.2013.

- M. Doyle, *M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs*, «Philosophy and Public Affairs», Summer 1983, vol. 43, № 3.
- M. Kim, *Government Effectiveness and Institutional Trust in Japan, South Korea, and China*, «Asian Politics & Policy» 2011, july, vol. 3.